
ОГОНЁК
№ 14 МАРТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОВЕТСКИЕ ПОДШИПНИКИ

Исполнилось 20 лет со дня пуска Государственного подшипникового завода имени Л. М. Кагановича — первенца подшипниковой промышленности в СССР.

Трудно представить себе современное машиностроение без подшипников. Они являются неотъемлемыми элементами движущихся частей любого механизма: от точных приборов самого малого размера до таких гигантов, как гидротурбины, прокатные станы, блуминги.

В годы сталинских пятилеток подшипниковая промышленность развивалась невиданными темпами. Вслед за московским Первым ГПЗ имени Л. М. Кагановича во многих городах нашей Родины были выстроены и пущены заводы, производящие подшипники. Столичный завод стал колыбелью высокой технической культуры в этой сложной и ответственной отрасли машиностроения, школой высокой организации труда.

В 1950 году Первый ГПЗ завоевал почетное звание предприятия коллективного стахановского труда. На протяжении всего минувшего года завод держал переходящее знамя Совета Министров СССР.

Москвичи дают стране подшипники всевозможных размеров и конструкций, диаметром от нескольких миллиметров до 1,3 метра и более.

На снимке: начальник одного из цехов Первого ГПЗ лауреат Сталинской премии Н. М. Волков (справа) и слесарь-сборщик А. И. Манюшин осматривают перед сборкой кольцо крупного подшипника, предназначенного для оборудования металлургической промышленности.

Фото Е. Умнова

На первой странице обложки: будущие учительницы — отличницы Новосибирского государственного педагогического института Зинаида Макарова (слева) и Ольга Смирнова.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: В. А. Серов. ВСТРЕЧА.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

ОГОНЁК

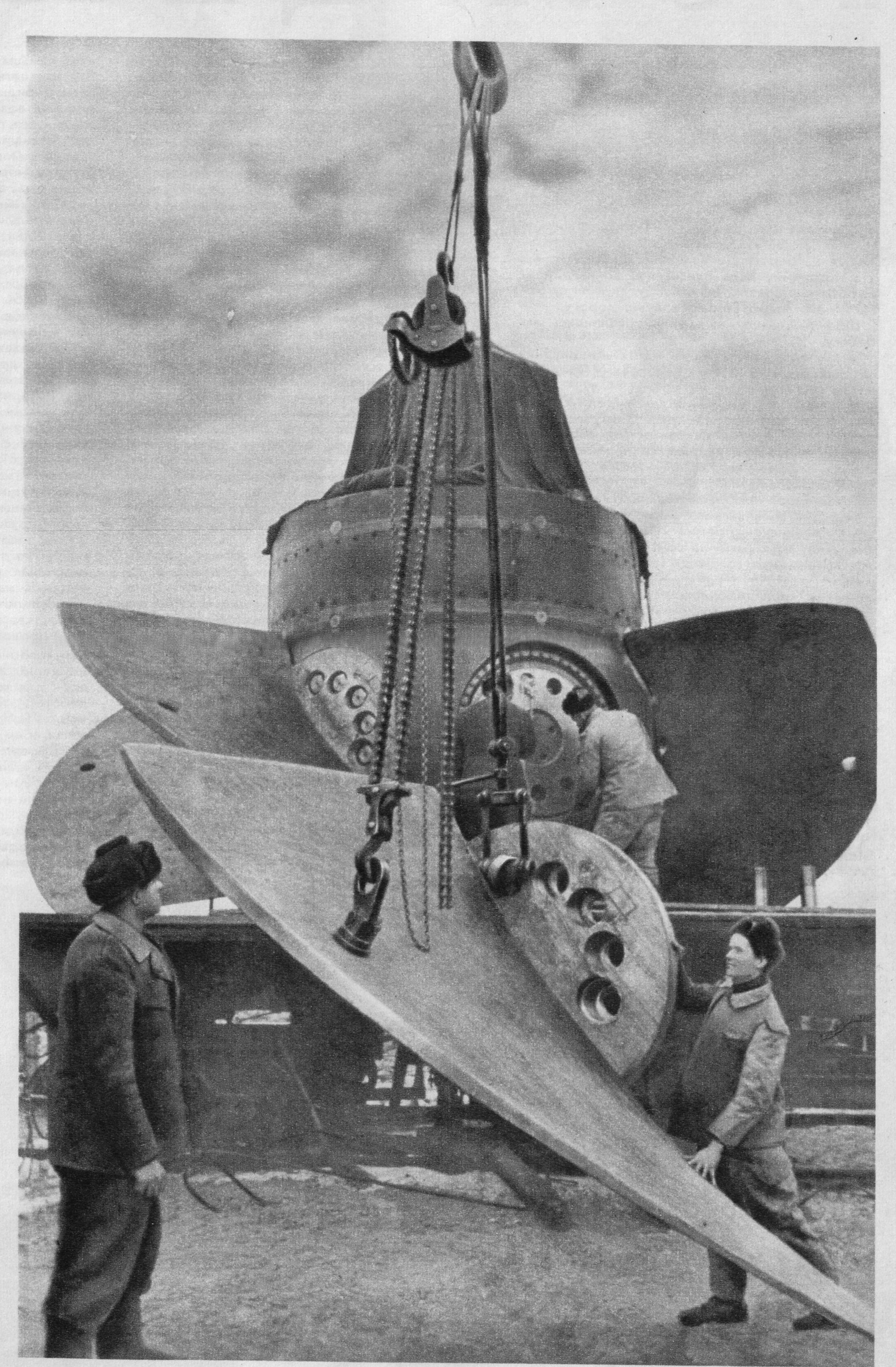
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 14 (1295) 30 МАРТА 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Цимлянская ГЭС готовится к пуску

Ленинградские рабочие, инженеры, ученые и техники с честью выполнили почетный заказ великой стройки коммунизма Волго-Дона: с берегов Невы досрочно прибыли на строительство Цимлянской гидроэлектрической станции эшелоны с деталями турбин и генераторов. Для сборки сложных агрегатов город Ленина направил своих лучших монтажников — С. Петрова, М. Носика, И. Козюра, инженеров — И. Никифорова, В. Зеберга. Они монтировали турбины Днепрогэса, гидростанций Урала, Сибири, Кавказа, работали на севере, а ныне свой опыт принесли на берега Цимлянского моря.

Для ускорения работы монтажники впервые применили в широких масштабах сборку турбин и генераторов вне машинного зала — на специально созданных выносных монтажных площадках. Машинный зал ГЭС еще не был готов, а сборка турбин, генераторов и кранов уже велась полным ходом. Подобный метод совмещенной работы строителей и монтажников принес замечательные результаты.

На нашем снимке запечатлен момент установки лопастей из нержавеющей стали на втулке рабочего колеса первой турбины. Как только был готов машинный зал, это рабочее колесо вкатили на специальной тележке в здание ГЭС, что позволило выиграть много времени.

Могучие потоки Цимлянского моря скоро ударят в стальные лопасти, приведут в движение рабочее колесо турбины, а с ним и генератор. Близок день, когда вступит в строй первый агрегат — Цимлянская ГЭС даст энергию шахтам Донбасса, колхозным селениям, оросительной системе. За первой турбиной заработают вторая, третья... Энергия Дона превратится в энергию электрическую. Вспыхнут огни маяков, заработают насосные станции, придут в действие все 15 шлюзов Волго-Дона.

Фото А. Гостева

КУЗНЕЦКИЕ МЕТАЛЛУРГИ

Доменный цех Кузнецкого металлургического комбината.

А. РЕКЕМЧУК

Выпуск стали из мартеновской печи.

3 апреля 1952 года Кузнецкому металлургическому комбинату имени И. В. Сталина исполняется 20 лет.

...В доменном цехе сегодня особенно многолюдно: приехали кинооператоры. Они сняли великолепные кадры: ветеран предприятия, старейший горновой Лукьян Викторович Силицкий стоит у чугунной летки доменной печи № 1, выдавшей 20 лет назад первую плавку. Из-под широкополой шляпы смущенно улыбается молодое лицо доменщика: старейшему горновому всего 38 лет.

В 1931 году на строительную площадку Кузнецкстроя, оглашаемую первыми взрывами, пришел долговязый паренек — таежный золотоискатель Лукьян Силицкий — и, сбросив с плеча деревянный сундучок, потребовал:

— Дайте-ка лопату!..

Он строил первую доменную печь. Работал горячо. Работал и учился. В 1932 году на строительстве Кузнецкого комбината все рабочие заканчивали трудовой день в учебных классах.

На бескрайних просторах Урала и Сибири претворялась в жизнь гениальная сталинская идея создания могучей индустриальной базы — Урало-Кузнецкого комбината. Лукьян Викторович и другие доменщики встречали у себя в цехе В. М. Молотова, М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева. Соратники великого вождя стояли у колыбели кузнецкого металла.

Весной тридцать второго года доменная печь дала первый чугун. Кузнечане отлили из него барельеф товарища Сталина. В сентябре того же года первая мартеновская печь выдала сталь. Месяц спустя на блуминге прокатали первый стальной слиток. Главный инженер комбината Иван Павлович Бардин — ныне вице-президент Академии наук СССР — доложил о завершении металлургического цикла. Один из первенцев индустриализации уже служил народу.

...Гонг! Бригада старшего горнового Силицкого приступает к выпуску плавки. Струя горячего металла бежит по желобу. Наполняются чугуном многотонные ковши. И сколько бы раз ты ни присутствовал при этом, большое волнение охватывает твое сердце.

Лукьян Викторович помнит многое: победную поступь сталинских пятилеток, годы мирного созидания, пору войны...

Шел 1942 год. Один на один сражался советский народ против гитлеровских полчищ, спасая человечество от фашистских варваров. За океаном «выражали сочувствие», распинались в «симпатиях» к советским людям. Но вот перед нами американский журнал «Steel», вышедший в январе 1942 года. В нем приведены мате-

Вместе с прославленным предприятием — Кузнецким металлургическим комбинатом имени И. В. Сталина — рос и растет социалистический город Сталинск — тот самый «город-сад», о котором вместе с его строителями мечтал Владимир Маяковский:

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

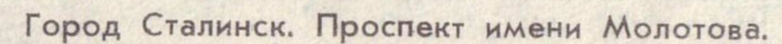
Величавы улицы Сталинска. Проспекты имени Молотова, Кирова, Энтузиастов представляют собой великолепные архитектурные ансамбли. И каждая улица становится весной зеленым туннелем: так много здесь деревьев. Сейчас в Сталинске — институты, техникумы, 70 школ, несколько театров и дворцов культуры. В прошлом году здесь сдано в эксплуатацию 75 тысяч квадратных метров жилой площади.

А в ближайшие годы город будет еще краше: на площадях встанут первые в Сибири высотные здания, новые парки наполнят зеленым шумом окрестности.

Сегодня Сталинск в лесах: кипит стройка...

Бригада каменщиков П. Ф. Ларионова, выполняющая план на 150—170%, работает на строительстве новых жилых домов в городе Сталинске.

Город Сталинск. Проспект имени Молотова.

Фото М. Савина

Кузнецкий металлургический комбинат имени И. В. Сталина.

Вверху слева: выпуск шлака из доменной печи. Справа: сталевар, лауреат Сталинской премии С. С. Баев.

Внизу слева: старейшие производственники — мастер доменной печи Л. Т. Герасимов (слева) и старший горновой К. М. Олещук. Справа: ковши с жидким чугуном направляются из доменного цеха к мартеновским печам.

риалы о промышленных ресурсах стран мира. Американские «статистики», полагая, видимо, что Украина навсегда отошла к оккупантам, безоговорочно и не без злорадства приплюсовали к металлургической мощности фашистской Германии... 9 миллионов тонн чугуна за счет юга Советской страны. «Русские останутся без металла!» — пророчили за океаном.

Русские не остались без металла! Уральские и сибирские металлурги внесли веские коррективы в подсчеты и расчеты Уолл-стрита. Металлурги востока Советской страны выполнили свой долг перед Родиной.

В числе других священных реликвий кузнецкие доменщики берегут переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР, переданное им на вечное хранение. Еще три почетных знамени вручены коллективу Кузнецкого металлургического комбината имени И. В. Сталина за его великий подвиг в годы войны.

...Старший горновой Лукьян Викторович Силицкий переходит к пульту управления. Нажим рычага — и электрическая пушка забивает чугунную летку доменной печи. Ни на одну минуту не прекращается плавка: беспрерывен процесс рождения металла — металла мира.

Русские люди достигли большого мастерства в доменном деле. Неподалеку от доменных печей Кузнецкого комбината, в тихой рощице на склоне горы, — могила знаменитого русского доменщика М. К. Курако. Сюда долетает басовитое гудение цехов, и легкий ветерок шевелит ветви берез...

Знатный вальцовщик комбината лауреат Сталинской премии Иван Алексеевич Сомов.

Советские люди, овладевшие передовой наукой, обогатившие ее своим разумом и вдохновенным трудом, приумножили славу своих предков. Имена кузнецких доменщиков Кузьмы Олещука, Луки Герасимова, Лукьяна Силицкого и многих других известны всей стране.

Каждый из них смотрит далеко вперед — видятся им плоды их труда, знают они, куда идет этот чугун.

...Сталевар мартеновского цеха № 1 Степан Баев возвращался в родной Кузбасс из Магнитогорска, где он делился своим опытом проведения скоростных плавок. Поздно ночью в поезде его разбудил товарищ по купе — инженер Ткачев:

— Степан Сергеевич! С лауреатством тебя! Только что передавали по радио.

В родном Сталинске Баева встречали с цветами. Большой группе кузнецких сталеваров в 1951 году присудили Сталинскую премию за усовершенствование и внедрение скоростных методов сталеварения. Степан Баев принимал цветы и на крепкие рукопожатия отвечал:

— Надо сделать так, чтобы во всех мартеновских цехах вели скоростные плавки.

Скоростная плавка — это рекордное достижение не одного сталевара. Когда лауреат Сталинской премии Степан Баев приходит на смену, сталевар предыдущей смены Михаил Рукин уже успел сэкономить десять минут на заправке пода печи. С деловитой придирчивостью Баев проверяет состояние печи и, пожав товарищу руку, как эстафету, принимает от него уже начатую скоростную плавку.

Сталевара Баева мы увидели в застекленной кабине, у пульта управления. В цехе механизированы почти все производственные операции, автоматизировано управление тепловым режимом мартеновских печей. Поочередно поднимаются крышки мартеновской печи, озаряя все вокруг ярким светом. Руда, известняк, железный лом опрокидываются в печь. Четко работают подручные сталевара — Николай Говор, Николай Анциферов и другие.

— На завалке шихты экономия 30 минут, — докладывает Баев вошедшему в кабину обер-мастеру лауреату Сталинской премии Михаилу Привалову. Тот кивает головой.

Обер-мастер и сталевар смотрят сквозь синие стекла очков в окна мартеновской печи: там бушует кипящая сталь... Сталь! Будущие рельсы железных дорог и балки многоэтажных зданий, турбины гидростанций и котлы высокого давления. Сколько труда и вдохновения требует металл от человека!

Очередную пробу стали Степан Баев отправляет в экспресс-лабораторию. Через несколько минут он получает данные анализа: плавка идет хорошо. На плавлении за счет напряженного теплового режима сталевару удалось сэкономить еще 40 драгоценных минут!

Кузнецкий сталевар Степан Баев и его товарищи выдали в нынешнем году десятки скоростных плавок и сотни тонн стали сверх плана. Что можно сделать из этой сверхплановой стали?

...На трибуну III Всесоюзной конференции сторонников мира взошел невысокий плотный человек и, деловито придвинув к себе микрофон, сказал:

...Из-под широкополой шляпы смущенно улыбается молодое лицо доменщика: старейшему горновому Лукьяну Викторовичу Силицкому всего 38 лет.

— За десять месяцев коллектив нашего блуминга прокатал сверх плана 20 тысяч тонн стали. Из этого металла можно построить 4 400 тракторов...

Речь держал знатный вальцовщик Кузнецкого металлургического комбината имени И. В. Сталина лауреат Сталинской премии Иван Алексеевич Сомов.

Блуминг — ворота прокатных цехов. Этот прокатный стан был введен в строй в 1932 году, и наша печать тогда с гордостью сообщала о его уникальной мощности. Опрокинув самые смелые предположения, прокатный стан перекрыл установленную для него проектную техническую мощность на 24 процента. Теперь это самый производительный блуминг в мире.

В будке, возвышающейся перед станом, двое: старший оператор Иван Сомов и манипуляторщик Юрий Сомов. Они с поразительной быстротой управляют рычагами-командоконтроллерами.

Оператор и манипуляторщик должны понимать друг друга без слов. И это им вполне удается...

Братья знатного вальцовщика коммуниста Ивана Алексеевича Сомова — Василий и Константин — тоже работают в прокатном цехе. Недавно в семье Сомовых появился еще один прокатчик: племянник Юрий заявил о своем желании работать на блуминге.

— А как же с инженерством? — спросил племянника Иван Алексеевич. — Мечтал ведь...

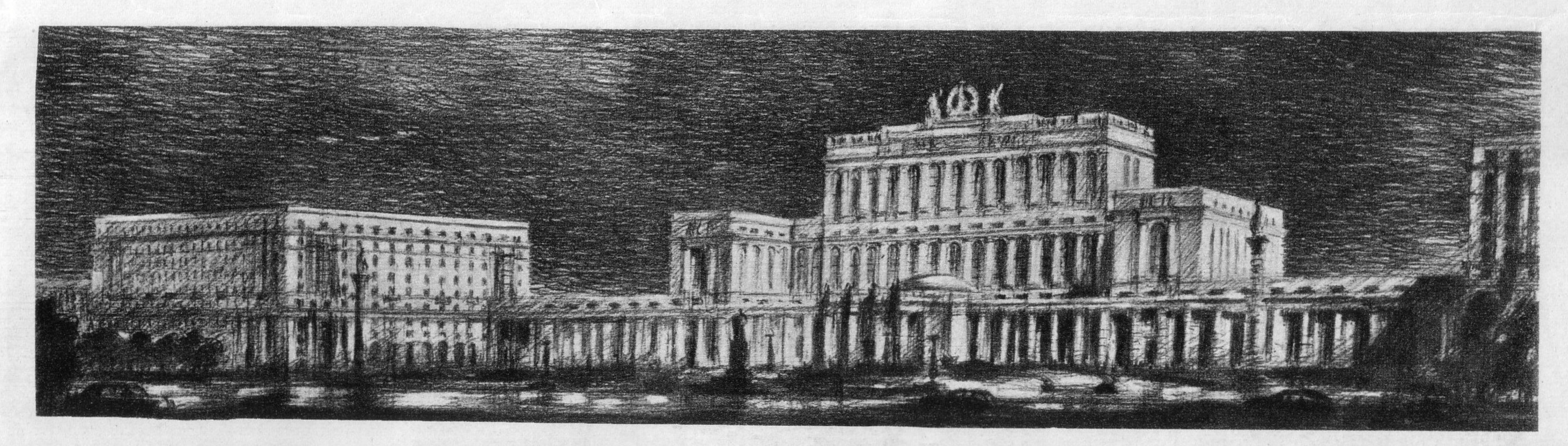
— И не отказываюсь, — ответил Юрий.

В короткий срок он овладел сложным искусством манипуляторщика; одновременно посещал школу рабочей молодежи, где учатся 1 500 рабочих комбината. Нынешней весной Юрий будет держать экзамены на аттестат зрелости и на звание старшего оператора блуминга. А потом — в Сибирский металлургический институт, на заочное отделение...

План юноши горячо одобряют прокатчики:

— Будут у нас вальцовщики с высшим образованием!

Кипением юности наполнена жизнь прославленного предприятия. Накануне двадцатилетия комбината многотысячный коллектив больших мастеров, смелых новаторов принял на себя новые социалистические обязательства — выдать сверх плана в нынешнем году 40 тысяч тонн чугуна, 50 тысяч тонн стали, 30 тысяч тонн проката, 20 тысяч тонн кокса, 70 тысяч тонн железной руды...

Проект Нефтяного института имени академика И. М. Губкина в Москве.

НОВЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ В МОСКВЕ

В районе Ленинских гор, там, где пересекаются Калужское шоссе и новая магистраль, проходящая перед зданием строящегося Московского государственного университета, в этом году закладывается огромный архитектурный ансамбль. Он образует большую площадь, на которой разместятся несколько зданий: Горный и Нефтяной институты, десятиэтажные студенческие общежития и жилые дома для профессоров и преподавателей. Единство архитектуры зданий обоих институтов придает целостность и монументальность всей площади.

В архитектурной композиции авторы проекта придерживались традиций отечественного зодчества, положив в основу принцип ярусности. Так построены кремлевские башни, старое здание Библиотеки имени Ленина. Так строили наши великие зодчие Баженов, Воронихин и другие.

Внутренняя планировка зданий институтов соответствует их внешнему виду: светлые, просторные, оборудованные по последнему слову техники лаборатории и аудитории.

Центральный вестибюль — наиболее просторный, богато отделанный, с гардеробом на 2 400 человек. Десять скоростных лифтов, каждый из которых рассчитан на 14 человек, в течение пятнадцати минут могут доставить 4 тысячи студентов на разные этажи. Лестница в этом здании будет играть второстепенную роль: это — лишь средство сообщения между смежными этажами.

Аудитории на 200—250 человек размещаются в нижних ярусах, а большие помещения дипломных мастерских сосредоточены в верхних этажах. Одно крыло отведено кафедре физкультуры; здесь два спортивных зала.

Предусматриваются наиболее совершенная система вентиляции, установки для кондиционирования воздуха.

Строительство нового архитектурного ансамбля предполагается вести скоростными индустриальными методами, путем широкого внедрения крупноблочных элементов (балки, перекрытия, перегородки и т. п.). Для этого уже сейчас развертывается строительство подсобных предприятий, мастерских и складов.

Два десятиэтажных общежития, на 2 тысячи студентов каждое, будут расположены друг против друга. В обоих зданиях будет 1 300 комнат, рассчитанных на 2 и 4 человек. К услугам студентов специальные комнаты для занятий, гостиные, читальни. В зданиях общежитий разместятся поликлиника для студентов, прачечные, кладовые, склады, пошивочные и другие мастерские.

В двух жилых десятиэтажных домах будет 340 благоустроенных квартир для профессоров и преподавателей. Первый и второй этажи этих корпусов займут магазины, аптеки, парикмахерская и детский сад.

Проект всего архитектурного комплекса разработан авторским коллективом в составе лауреата Сталинской премии действительного члена Академии архитектуры СССР Б. М. Иофана, архитектора-художника А. И. Баранского, архитектора-художника И. В. Ткаченко и мастерской ГИПРОВУЗа.

Сооружение нового архитектурного ансамбля начнется весной этого года. Первая очередь строительства — главный учебный корпус Нефтяного института и общежитие на 2 тысячи студентов.

И. ТКАЧЕНКО

МАГНИТОФОН

Идет спектакль. На сцене актер, играющий роль директора завода, говорит по селектору с цехами огромного предприятия. Вот он нажал кнопку — и в кабинет ворвался грохот кузнечного цеха. Как же театр сумел спрятать за кулисами работающий электромолот, звенящие балки и сотни людских голосов?

Весь этот «шум», дающий иллюзию реального, умещается на небольшой катушке магнитной пленки и в нужный момент проигрывается на портативном аппарате — магнитофоне.

Инженеры Л. А. Демиховский (слева) и В. П. Крылов у новой модели магнитофона. Фото М. Михайлова

Аппараты МАГ-5, МАГ-3М и МАГ-8 — их сконструировали инженеры Л. А. Демиховский и В. П. Крылов — выпускает московский завод «Гостеасвет». Эта продукция уже нашла широкое применение в самых различных отраслях техники.

Казалось бы, в наше время никого не может поразить возможность записи звука. И каждый вправе сказать: а звук в кино, а записи по радио, а, наконец, граммофонные пластинки — что ж тут удивительного, нового? И тем не менее в магнитной записи есть и удивительное и новое.

Основное преимущество этого способа записи в том, что звук может быть воспроизведен немедленно. Вот человек кончил речь или спел арию, и уже через секунду аппарат точно, с соблюдением всех модуляций и тембра, повторяет человеческий голос и музыку.

Магнитная запись не требует громоздкой аппаратуры. Легкий, портативный магнитофон можно принести куда угодно — и на завод и на стадион,— использовать во время хроникальной киносъемки. Академик С. П. Обнорский рассказывал, что при помощи магнитофона удалось произвести огромную работу по изучению народных говоров.

Завод приступает к выпуску нового аппарата — магнитного диктофона. Построенный по тому же принципу, что и магнитофон, этот портативный аппарат отличается еще большим удобством записи. Она ведется не на пленке, а на магнитной пластинке. Достаточно провести над ней электромагнит, и все зафиксированное «сотрется». Поэтому вы можете на одной и той же пластинке производить запись до 50 тысяч раз.

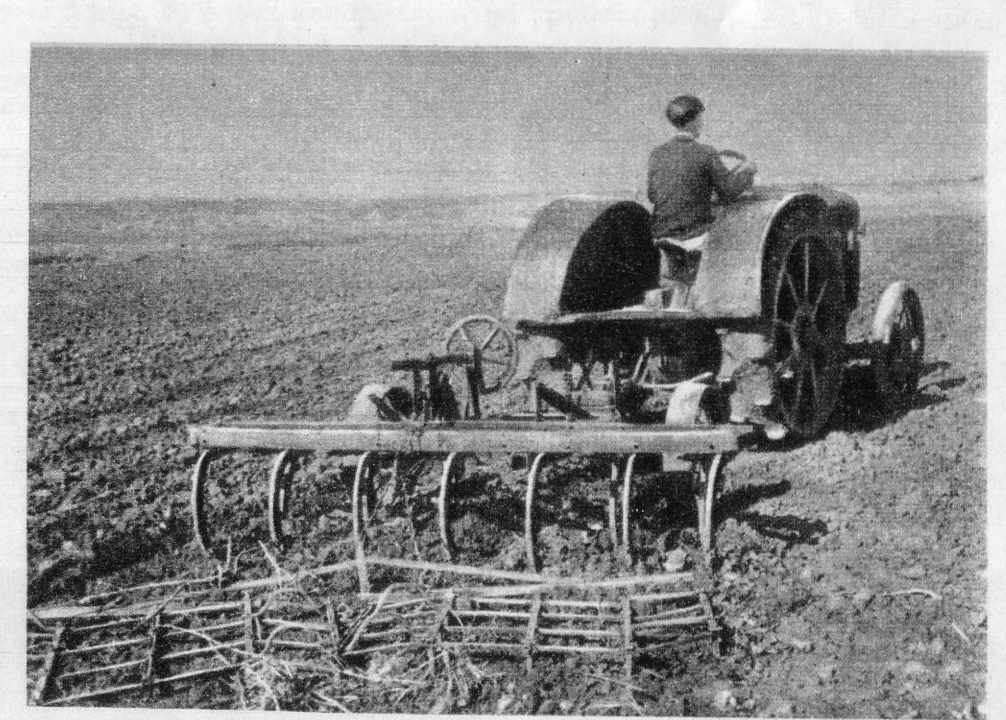
Диктофон прост в управлении. Вот он стоит в комнате. Включите его. Аппарат будет фиксировать все звуки. Его можно подключить к телефону, он запишет телефонный разговор и при этом будет корректировать плохую слышимость.

Возможности применения магнитофона безграничны. Их встретишь и в диспетчерской службе, и в гражданском воздушном флоте, и в различных экспедициях, где аппараты могут действовать от источника постоянного тока.

Магнитофоны установят во многих аудиториях нового здания Московского университета. Это даст возможность записать для студентов наиболее важные лекции.

Так новые работы советских конструкторов широко входят в жизнь, облегчая и совершенствуя наш труд.

Е. ТАРХАНОВА

Хлопковые сеялки вышли на поля

Зима в Узбекистане была необычно теплой даже для этого края. Почти всю зиму не смолкал над полями рокот тракторов: механизаторы готовили зябь под посевы яровой пшеницы и хлопчатника.

С наступлением ранней солнечной весны на хлопковые карты колхозов вышли тракторы-универсалы — настала пора последней предпосевной обработки земли.

Большинство колхозов республики хлопок сеет в этом году только по зяби: это намного повысит урожай. Семена будут ложиться в почву предварительно обогретые солнцем, чтобы скорее пробились на рядках дружные, густые всходы: весной дорог каждый день. Узбекские хлопкоробы помнят слово, данное ими на курултае великому Сталину,— с каждого гектара колхозных полей собрать высокий урожай хлопка.

В первые дни марта, когда трактористы северных районов еще не закончили бороновать поля, в колхозах Андижана и Кашка-Дарьи на поля вышли хлопковые сеялки. В Узбекистане начался весенний сев хлопка.

Н. НЕСТЕРОВА

На снимке: тракторист 1-й Бухарской МТС Х. Хикматов проводит боронование зяби под хлопок на полях колхоза имени Калинина, Бухарского района. Он значительно перевыполняет задания. Фото Ш. Муминова (ТАСС)

Даже распорядок уличного движения в Токио перестроен так, как угодно оккупантам. Повсюду указатели на английском языке.

Оккупанты в Японии

Американцев видишь повсюду в японской столице. По Гинзе[1] мчатся американские машины — яблоку негде упасть. Всех цветов и марок, чаще же зеленые, оккупационных воинских частей. Можно подумать, это Бродвей. Американцы толпятся у баров, у пивных, у лавочек. Их всегда можно узнать по этакой петушиной осанке, по тому, как важно ступают они, словно несут на головах сосуды с водой, изредка поглядывая мельком, как на неодушевленные предметы, на тех, кто не принадлежит к их «высшей» расе.

Американские вояки больших и малых рангов привыкли думать, что за доллары здесь можно купить все. Возвращаясь в Америку, иные из них вздыхают, как этот молодчик из Чикаго, написавший в «Джапэйн Адвертайзер»: «Я никогда не вел такую роскошную жизнь, как в Японии. В Токио я имел три прислуги, нам подавали завтрак в постель, для разнообразия я разъезжал на рикшах».

Все, кто составляет американскую машину закабаления Японии, приучаются к мысли, что они прибыли сюда властвовать и повелевать. Вот на углу этой площади стоит указатель с широкими стрелками. На них отчетливо выписано: «Стрит» и «Авеню». Даже распорядок уличного движения здесь перестроен так, как угодно оккупантам. Они не считаются ни с обычаями, ни с национальным достоинством японцев.

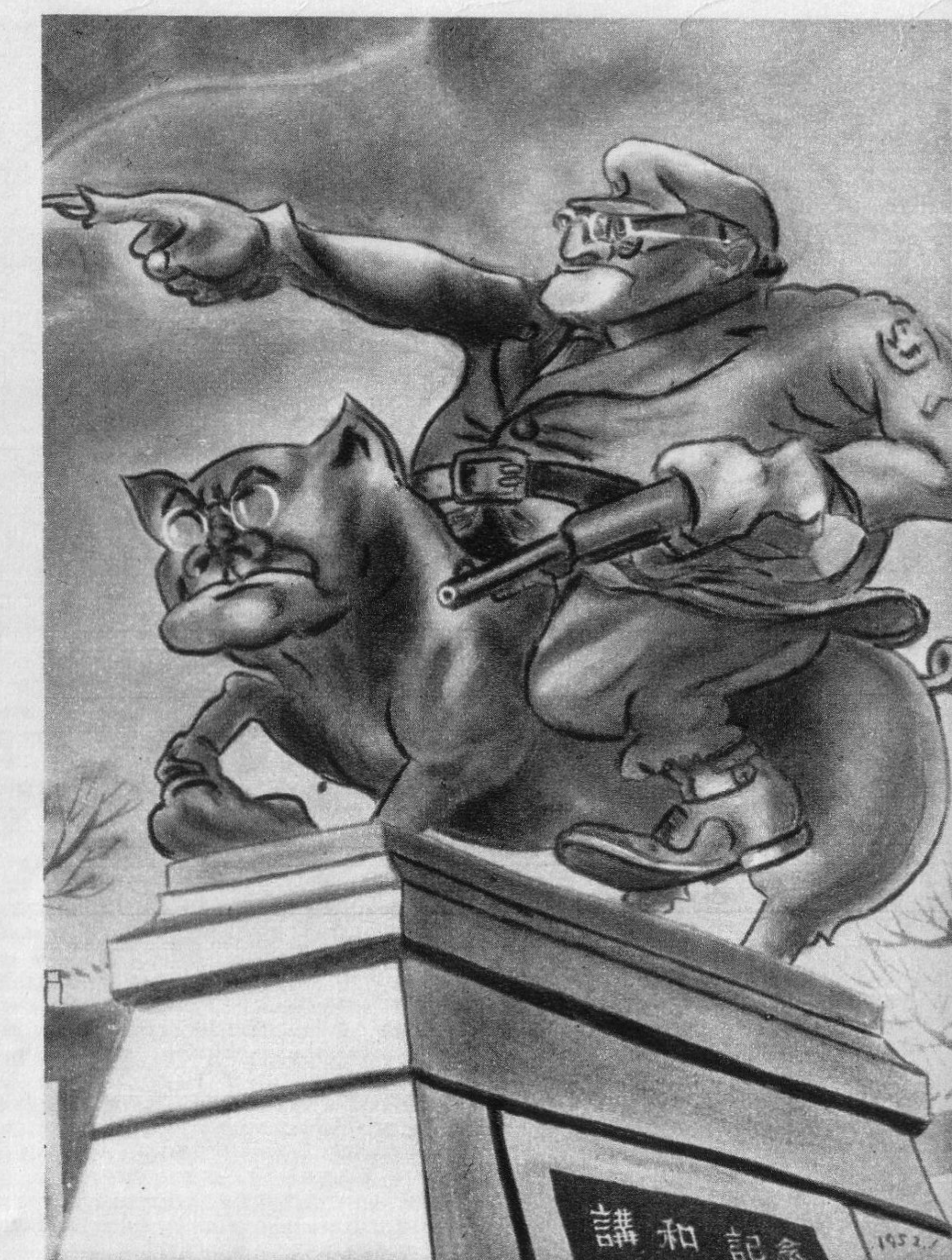
В Токио, насчитывающем шесть миллионов населения, около миллиона безработных мужчин и женщин. Американские империалисты превращают Японию в страну рабов и нищих. Разверните токийские газеты — сколько вы узнаете печальных и страшных историй! Несколько дней тому назад на токийскую станцию Иоцуя пришла Харуко Тагами с пятилетней дочерью. Пассажиры слышали, как девочка пожаловалась перед этим матери, что ей холодно. «Сейчас будет тепло»,— сказала мать и кинулась с дочкой под поезд. И каждый день в Токио узнаешь: отравились, бросились в реку, повесились... Часто целыми семьями. Это сегодняшний день Японии.

Горькая действительность наложила свой отпечаток на людей. Озабоченно и угрюмо осунувшееся, бледное лицо простого японца. Он торопливо и молча проходит мимо зеркальных витрин магазинов, словно стараясь скорее укрыться от шумной, лихорадочной уличной суеты, от ощущения гнетущей, всюду преследующей беды, в которую попала страна.

Но нет, не только выражение отчаяния и безысходного горя видишь на лицах трудящихся Токио. Все чаще проступает на них пламенный отблеск гнева, жажда борьбы за свободу, за независимость родины.

Против тех, кто не хочет мириться с колониальным американским гнетом — а не хочет с ним мириться весь народ, — оккупанты и правительство Иосида бросают отряды полиции, мобилизуют судебную машину, учиняют все новые провокации, вводят новые драконовские законы. Мне довелось побывать на двух судебных процессах в Токио. В верховном суде слушалось дело группы токийских студентов, вся вина которых была в том, что они протестовали против увольнения демократически настроенных профессоров. А неподалеку, в здании личной охраны Риджуэя, американский военно-полевой суд на-

[1] Одна из центральных улиц Токио.

Сатирическая картина, изображающая взаимоотношения оккупантов и их японских марионеток. (Выставка прогрессивных художников Японии. Автор картины — художник-рабочий Наказима.)

На улицах Токио.

Полиция разгоняет инвалидов войны, устроивших в парке Скибаси манифестацию протеста против военных приготовлений правительства Иосида.

Картина художника Синкай Какуо, изображающая активную сторонницу мира Тадзимо Кимико.

чал процесс семи японских патриотов, которые открыто сказали, что не хотят видеть родину порабощенной американскими монополиями. И тот и другой «суд» не более, как грязная комедия, заранее предрешенная расправа.

Тысячи людей, участвующих в манифестациях и забастовках, выбрасываются за ворота заводов и фабрик. Полиция сплошь и рядом пускает в ход оружие.

21 февраля... День борьбы с колониальным гнетом. В Токио и во многих других городах Японии состоялись бурные митинги и демонстрации трудящихся. В токийском районе Ота полиция открыла стрельбу по демонстрантам. Близ станции Сибуя шестьсот полицейских окружили группу молодежи и начали зверски избивать ее палками. Несколько человек получили тяжелые увечья.

Но американским оккупантам не задушить демократические силы Японии! Эти силы растут и крепнут с каждым днем. По всей стране возникают все новые местные комитеты защиты мира — их уже около двух тысяч. Во Всеяпонский комитет мира входят крупнейшие прогрессивные деятели страны.

Трудно даже представить себе, как велико число людей, которые на улицах, на заводах, в квартирах, в учебных заведениях зовут простых граждан Японии поставить свои подписи за мир.

Вот двадцатичетырехлетняя Тадзимо Кимико, продавщица газет. Каждый вечер она появляется в одном из людных районов Токио с пачкой демократических газет и журналов. У ее лотка — лозунг: «За мир, против перевооружения Японии!» Тысячи подписей за мир собрала эта молодая женщина. Каждую неделю ее по нескольку раз таскают в полицейский участок, отбирают литературу, грубо оскорбляют. Но она неизменно появляется на своем месте, как солдат на посту.

Идея защиты мира все больше пронизывает собой произведения передового японского искусства, ярко передающие настроения простых людей Японии.

Недавно нам довелось слышать, как токийский молодежный хор с огромным воодушевлением исполнил песню, в которой есть слова:

И сидя в холодной тюрьме,
Мы будем бороться за
правду.
Глядя на железную
решетку,
Мы поем песню: «За мир».

Эти слова написаны рабочим Никамия Ютака, привлеченным к суду по так называемому делу Мацукава. Он прислал текст песни из тюрьмы.

Растущее сознание простых людей Японии озарили, как яркий луч солнца, проникновенные, теплые слова приветствия товарища Сталина. В этом все больше убеждаешься, встречаясь повседневно с горожанами, жителями сел, студентами, представителями интеллигенции. Почти каждый раз в конце беседы они обращаются с просьбой:

— Передайте, пожалуйста, товарищу Сталину вот это.

И подают узенький конверт с письмом. И сколько в этих словах искреннего, горячего чувства благодарности к товарищу Сталину! Это имя стало светочем мужественной борьбы миллионов трудящихся Японии за свою свободу и независимость.

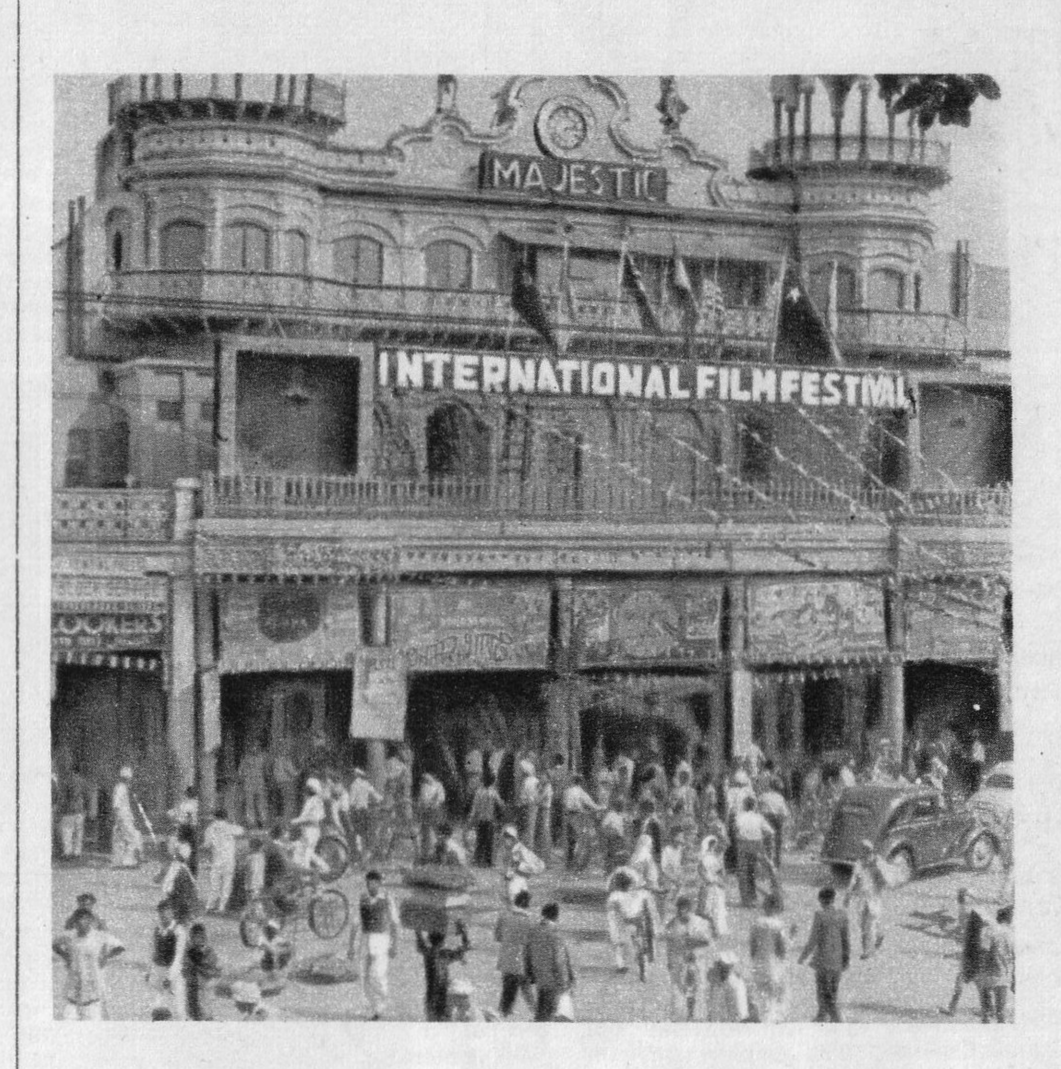
А. Кожин

Токио, Март. 1952.

Многотысячная демонстрация трудящихся Токио, протестующих против антирабочих законов и военного бюджета.

Слово индийского народа

Кинотеатр «Мажестик» в городе Дели.
Фото Г. Монгловской

Закончился Международный кинофестиваль в Индии. В течение пяти недель жители четырех крупнейших городов страны — Бомбея, Мадраса, Дели, Калькутты — поочередно знакомились с киноискусством двадцати трех стран, принимавших участие в фестивале.

СССР, Китай, Чехословакия, Румыния, Венгрия, США, Англия, Франция, Италия, Египет и другие страны показали более пятидесяти картин. Около трети всех демонстрировавшихся фильмов принадлежит СССР, Китаю и странам народной демократии.

На фестивале не присуждались премии: на этом настояли американские киноdельцы, опасаясь повторения провала, который потерпела голливудская продукция на Международном кинофестивале в Каннах в 1951 году. Но индийский народ оценил показанные на фестивале фильмы: переполненные залы, бурные аплодисменты, требование дополнительных сеансов, распродажа билетов за неделю до демонстрации фильмов — так встречали советское киноискусство. А рядом — полупустые кинотеатры, в которых демонстрировалась голливудская стряпня.

В день открытия фестиваля в Бомбее в трех из семи кинотеатров шли советские фильмы «Падение Берлина», «Мусоргский» и «Донецкие шахтеры». Зрительные залы были заполнены до отказа. Вокруг кинотеатров стояли огромные толпы зрителей, не сумевших достать билеты. Владельцы кинотеатров по настоянию публики обратились в комитет с просьбой о дополнительных сеансах фильма «Падение Берлина». Но и на сеансы в двенадцать и три часа ночи все билеты были раскуплены.

Большим успехом у зрителей пользовались фильмы Китайской Народной Республики, а также стран народной демократии — фильмы, повествующие о новой, счастливой жизни народов этих стран. С интересом были встречены итальянские фильмы «Рим — открытый город», «Похитители велосипедов» и другие картины.

Исключительно тепло приняли в Индии делегацию советских кинематографистов. Всюду, где бы ни появлялись советские артисты, их встречали цветами, овациями, горячими приветствиями в честь советского народа и товарища Сталина. На многотысячных митингах, пресс-конференциях, во время встреч и бесед наши делегаты убеждались, как велик интерес индийского народа к Советской стране.

«Мацеста» на заводе

Стремительный поток горячей воды день и ночь мчится по дну небольшого оврага и, завершая свой недолгий путь, впадает в большое «горячее озеро». Вода здесь красная благодаря большому количеству содержащейся в ней рудной пыли и имеет резкий запах серы.

Этот поток горячей воды берет свое начало у доменного и мартеновского цехов металлургического завода имени Петровского. Охлаждая раскаленный шлак, вода нагревается и жадно вбирает сернистые примеси, которыми шлак так богат. «Горячее озеро» — это огромный отстойник сточных вод на берегу Днепра, в Днепропетровске.

Много лет назад было обнаружено, что сточные воды обладают замечательными целебными свойствами они содержат сернистые соли и сероводород. Оказалось, что по своему химическому составу эти воды родственны знаменитым сернистым источникам Мацесты.

«Заводская Мацеста» особенно широкую известность получила после того, как здесь была оборудована небольшая водолечебница. Из Киева, Харькова, Одессы, Полтавы сюда приезжали на лечение больные подагрой, ревматизмом, гангреной.

После войны интерес к целебным водам «горячего озера» еще более возрос. Сейчас заканчивается строительство нового просторного здания сероводородной лечебницы. Тут оборудуются ванные, комнаты отдыха, душевые. Ежедневно лечебница сможет обслужить 300 человек, не только рабочих завода имени Петровского, но и металлургов других предприятий Приднепровья.

Ал. АХМАТОВ

В день годовщины смерти автора музыки «Интернационала» Пьера Дегейтера. Морис Торез выступает с речью перед трудящимися Сен-Дени.

В СЕН-ДЕНИ

Р. ИЗМАЙЛОВА

Если вы обратитесь поочередно к нескольким французам и спросите их, что интересного есть в городке Сен-Дени, вам ответят по-разному:

— Ну, конечно, туда нечего ездить. Это «столица лачуг».

— Поезжайте. Там усыпальница французских королей. Ведь аббатство Сен-Дени — это наша гордость!

— Дым, грязь, заводская духота, и дети, представьте, играют на тротуаре. Это — мрачное место. Во Франции есть другие, более прекрасные уголки.

— Конечно, надо увидеть Сен-Дени. Там работает мэр-коммунист — наш товарищ. В Сен-Дени боевые ребята!

Что же такое Сен-Дени? И кто прав из этих людей: пожилой ли француз, одетый в дорогой светлый костюм, с газетой «Фигаро» в руках; изящный ли адвокат средних лет, подчеркивающий, что во Франции можно смотреть только её старину и памятники архитектурного искусства; дама ли с двумя черными пуделями на поводке, вышедшая их прогуливать до обеда, или юноша в берете и синей блузе, остановивший свой велосипед, чтобы перекинуться словцом с товарищем, продающим на углу воскресный выпуск «Юманите»? Каждый из них сказал то, что думает, и в каждом из этих ответов — портрет человека, его место в обществе.

Мрачный облик Сен-Дени поражает человека, отъехавшего всего семь километров от центра Парижа и увидевшего эти узкие улицы, обветшавшие стены домов, окна, в которых на веревках сушат белье, женщин с ведрами у водопроводных колонок. Нужда, нужда кругом!

Вот дверь в квартиру, и под ней такая щель, что черной тощей кошке не надо даже пригибаться, чтобы войти к себе домой. Как тут, должно быть, дует в осенние дни! Неприглядно вокруг.

Вот маленький дворик в соседнем доме; дети вернулись из школы. Они всегда тут играют, на этом каменном квадратике земли, замкнутом четырьмя грязными стенами и клочком серого, дождливого неба.

Часто встречаешь развалины, следы войны: Сен-Дени выдержал шесть бомбардировок. Три тысячи двести семей до сих пор здесь остаются без крова. Худая слава у этого города. Ведь многие годы Сен-Дени занимал во всей Франции первое место... в статистике детской смертности от туберкулеза. Была неважная больница, разрушающиеся школы, многие жилища без воды, без газа, без света. А ведь Сен-Дени снабжает электричеством и газом огромный Париж.

Тут нет парков. Куда уйти детям от тяжелого воздуха, насыщенного пылью заводов и фабрик и отбросами химических предприятий? Домой? Но теснота такова, что во многих рабочих квартирах дети спят по пять — шесть человек в одной кровати. В муниципальном совете подсчитали, что 1 395 семей не имеют кухни, 2 106 семей обходятся без электричества, 9 233 — без водопровода. И это не дальняя, затерянная в глуши деревня. Это всего несколько километров от Парижа. Сен-Дени — это город, имеющий много заводов, а в его великолепном аббатстве почивают короли Франции в роскошных мраморных саркофагах, богато украшенных скульптурой.

Перелистывая страницы истории

В королевской усыпальнице тихо и сыро, перекликаются голуби, залетевшие под высокие своды аббатства, и слышен торжественный голос гида, ведущего группу приезжих англичан. Он показывает им гробницы Людовика XII, Генриха II, Катерины Медичи, вазу с сердцем Франциска I, коленопреклоненную статую Марии-Антуанетты. Саркофаги редчайшей художественной ценности, с превосходно исполненными барельефами, гербами, распятиями из слоновой кости. Красив портал аббатства Сен-Дени. О прошлом Сен-Дени, о военных заслугах этого стариннейшего уголка Франции много написано в исторических книгах. В двенадцатом веке Людовик VI воевал здесь с немцами, вторгшимися во Францию. В 1346 году Сен-Дени изгнал англичан, явившихся грабить аббатство. Во время Французской революции народ ворвался в это «святилище» и выбросил на улицу, в общую яму, кости многих французских королей.

Много раз маленький городок служил ареной военных действий. Население Сен-Дени, отличавшееся своим патриотизмом, всегда откликалось на призыв родины. Здесь сформировался в 1792 году знаменитый народный «батальон Сен-Дени» из шестисот добровольцев, покрывший себя славой в битве при Вальми, участвовавший в изгнании прусских и австрийских войск. В 1871 году, в дни немецкой оккупации, в канале и в речке по ночам топили пруссаков. И снова, в годы второй мировой войны, партизаны Сен-Дени героически сопротивлялись гитлеровским захватчикам.

Партизаны за мирной работой

Мы встретили некоторых из этих партизан в большом зале городского муниципалитета. И здесь воспоминания о прошлом, только совсем недавнем, сопровождают вас. Стены зала мэрии сплошь украшены живописными фресками, названными «Деревья свободы». Лес, богатый и ветвистый, узорные листья дуба и бука, бесчисленные птицы на ветвях... И в тени густых деревьев фигуры людей, занятых чисткой оружия. Вот люди строятся, чтобы выступить боевой колонной. А там они дают клятву у выцветшего, старого знамени. Здесь группа готовится идти в разведку. Это лес свободы, партизанский лес, молчаливый, настороженный, грозящий гибелью врагам родины. Писал эти фрески известный демократической Франции художник Жан Амбляр, сам партизан и участник Сопротивления.

За столами в мэрии сидят оставшиеся в живых партизаны; они заняты мирной работой. Впрочем, трудно назвать ее мирной. Это постоянная, настойчивая борьба за то, чтобы изменить угрюмый облик своего городка, облегчить участь 75 тысяч трудящихся, проживающих в Сен-Дени.

Огюст Жило, сорокалетний мэр, коммунист и в прошлом партизан,— фигура, ненавистная для реакционеров и популярная среди трудового населения городка. Жители Сен-Дени очень многим обязаны своему мэру и его помощникам, которых правительство упорно, нагло и мелочно преследует. В январе прошлого года сендренийцы вдруг узнали, что их мэр... на три месяца уволен в отставку. За что? Правительству не понравилось, что рабочие Сен-Дени, включая и служащих из мэрии, отправились большой колонной в Париж, чтобы участвовать в мощной демонстрации на Елисейских полях против приезда Эйзенхауэра. Не успел Жило вернуться к работе, как его заместителя Анри Барона, тоже бывшего партизана, отстранили от работы на месяц — за то, что он выступил в защиту прав бастующих газовщиков.

— Ничего, ничего! — улыбается Жило.— Нас этими «мерами воздействия» не напугаешь! Знаете ли вы, когда в нашем Сен-Дени была первая забастовка, сведения о которой дошли до нашего поколения? В 1461 году, вот когда! В тот год в Сен-Дени несли

Мэру-коммунисту досталось трудное наследство — «столица лачуг» и все ее бедствия...

из Парижа останки короля Карла VII, чтобы похоронить в королевской усыпальнице. И вот, пройдя полдороги от Парижа, носильщики поставили королевский гроб на землю и заявили, что за столь низкую плату дальше не пойдут, пусть прибавят десять ливров! Казначей пробовал урезонить носильщиков ударами палкой, но забастовщики стояли на своем, и ему пришлось уступить. Давненько это было, методы борьбы иные, но все мы потомки этих далеких забастовщиков,— смеясь, говорит Огюст Жило...

...В зал приносят большие схемы, чертежи, карты. Это планы реконструкции Сен-Дени; их показывают нам советники муниципалитета.

Морис Торез еще в 1936 году, обращаясь к муниципальным советникам-коммунистам одного из французских городов, говорил:

— Стройте жилища, развивайте деятельность, охраняющую детей, устраивайте детские сады, консультации для грудных детей, помогайте старикам-рабочим.

Это и делают коммунисты в муниципалитетах многих городов Франции, показывая на своем маленьком участке, что могло бы сделать действительно демократическое правительство, если бы оно управляло страной.

Коммунистическая мэрия творит и воюет. Всем известно, что это значит в условиях французского капиталистического государства.

Черты нового в старом городе

В Сен-Дени строительство началось тогда, когда в правительство входили министры-коммунисты. Мэру-коммунисту досталось трудное наследство — «столица лачуг» и все ее бедствия. Надо было воевать против роста мрачной статистики смертей и болезней.

Но теперь в Сен-Дени уже есть что показать. Есть новые ясли в центральном квартале, есть они и в районе долины и на улице Урсулинок, строятся в поселке имени Ланжевена.

— Посмотрите на этот манеж-лесенку, где ребята учатся ходить,— говорит нам воспитательница.— Вы ее не узнаете? Мы увидели в «Юманите» фотографию московского детского сада и этот манеж, в котором ползунки делают свои первые шаги. Прямо по фотографии наши плотники сделали такой же для ребят рабочих Сен-Дени...

Мы идем дальше по поселку, и черты новой жизни, той, за которую борется и которую отстаивает коммунистическая мэрия, проходят перед глазами. Три консультации для грудных младенцев, дом медицинского осмотра школьников, пункт стерилизации молока. Вот необычное здание — одноэтажная школа; она вся из алюминиевых тонких листов. Оказывается, был такой печальный для городка день, когда внезапно рухнула — к счастью, вечером — одна из очень старых школ со всеми своими семнадцатью классами. Событие, правда, никого не удивило: это был четырнадцатый по счету рухнувший от ветхости дом в Сен-Дени. Где же учить ребят осенью? И мэрия решила спешно строить временную школу. Созвала всех, кто мог придти на помощь. И через три месяца, несмотря на семнадцать дней проливного дождя, «алюминиевая школа» была собрана, и в нее пришло учиться более четырехсот ребят.

Самым печальным временем для детей Сен-Дени всегда было лето.

В пору, когда все цветет и зеленеет, им негде было порезвиться. Выход был найден не сразу, но все же был найден.

— Не устроить ли нам «дни свежего воздуха» для детей? Ну, хотя бы по очереди?

Эта идея нашла многих защитников в муниципалитете. И вот в двадцати километрах от Сен-Дени, в сосновой роще, мэрия покупает дом с участком. Этот прелестный уголок — Мэриэль — теперь так любят ребятишки! По воскресеньям и четвергам, в дни отдыха во французской школе, дети выезжают, чтобы там, среди цветов, на лужайках, досыта надышаться свежим лесным воздухом. У муниципалитета есть еще две детские летние колонии — в департаментах Луары и Дордони,—третья подготовляется в Вандее. Но как много еще нужно, чтобы помочь детям Сен-Дени!

Все лучшее, что удалось создать в Сен-Дени коммунистам, носит имена дорогих французскому народу людей. Тут есть проспект товарища Сталина, улица Сталинграда, улица Габриеля Пери, улицы, названные именами писателя-коммуниста Вайян-Кутюрье, замученной немцами героины Франции Даниэль Казановы, есть улица Пьера Дегейтера, автора музыки «Интернационала». Поселок имени Поля Ланжевена, знаменитого физика, ставшего в годы второй мировой войны коммунистом, сильно отличается от мрачного облика старого Сен-Дени. Здесь выстроены новые дома, светлые и чистые, с квартирами по три — четыре комнаты. Появление этих домов было радостным событием для всего городка. Сюда приехали прогрессивные художники Пиньон, Сен-Санс и вместе с Жаном Амбляром расписали вестибюли новых рабочих квартир легкими, веселыми рисунками, придавшими домам уютный вид. Еще мало зелени, еще молоды тонкие, неокрепшие деревья, но уже теперь в стороне от вредных испарений заводов играют на воле дети поселившихся здесь рабочих.

Мэрия строит еще один новый поселок, который будет носить имя погибшего на фронте полковника Фабьена, 23-летнего храбреца, командовавшего партизанской дивизией. Тут будет размещено еще пять тысяч жителей, будут новые школы, магазины, больницы.

Трудно перечислить, сколько злобных препятствий ставит французское правительство этим благородным начинаниям. Какое дело американизированным правителям до нужд жителей рабочего города?! Весь французский бюджет они направляют в ненасытную пасть вооружений. Правительство думает только об интересах богачей. Когда в Сен-Дени были закончены 133 квартиры в поселке Поля Ланжевена, тогдашний министр «реконструкции» Клодиус Пети заявил, что в первую очередь государство «возместит военные убытки» нескольким собственникам, у которых были разрушены бомбардировками их личные дома. Восемнадцать месяцев борьбы пришлось выдержать муниципалитету Сен-Дени, чтобы вырвать в свое распоряжение 66 квартир для рабочих. Остальные министр Пети роздал бывшим домовладельцам, которые прекрасно устроены в Париже, вовсе не нуждаются в жилье и квартиры в этих новых домах продают по дорогим ценам. Так под покровительством государства толстосумов поощряется самая наглая спекуляция за счет трудящихся.

Мы проезжали по светлым, широким улицам новых поселков. Один из советников, бывший партизан, сказал:

— Вот о чем мечтал наш Фабьен со своими товарищами. Они воевали за новую жизнь, они отдали свою жизнь, чтобы народ Франции был счастливым. Но кто из нас тогда думал, что и в 1952 году нам снова надо будет бороться, чтобы защитить мир! — И он протягивает руку в направлении каменной стены, на которой ночью борцы за мир сделали свежую надпись: «Этот завод работает на войну! Долой поджигателей войны!».

Париж.

Мэрия Сен-Дени развернула строительство жилых домов для рабочих.

разработал и совершенные способы избавления почвы от излишней влаги.

Много в нашей стране засушливых степей. Но немало в ней и земель, захлебывающихся влагой. В. Р. Вильямс глубоко вскрыл процессы заболачивания и указал пути борьбы с ним в социалистических условиях.

А. Н. Костяков развил это учение. Он создал, в частности, теорию о том, как превращать заболоченные поймы в прекрасные луга. На осушенных поймах будут произрастать сизо-зеленые кочаны капусты, розовая морковь, огурцы.

Сама жизнь убедительно показывает, что только там, где существует советский строй, где нет частной собственности на землю и где ведется плановое хозяйство, человек может создать условия для коренного улучшения климата и глубокой переделки природы на благо народа.

Лишь при советской власти в нашей стране начало применяться искусственное дождевание. Раскрывая его преимущества, А. Н. Костяков отмечает и недостатки, указывает, как их избежать. В книге описываются советские дождевальные машины и агрегаты, методы расчета и дальнейшего их совершенствования.

Новостройки коммунизма изменят климат, покорят засуху и суховеи в самом их царстве. Но иногда, покинув его пределы, стихии вторгаются и в районы неустойчивого увлажнения. Здесь также созданы и строятся оросительные системы. Но как ими пользоваться?

«Основы мелиораций» отвечают и на этот вопрос. Они предусматривают создание участков гарантированного урожая, указывают приемы орошения в зависимости от климатических условий в Курской, Орловской, Тамбовской и других областях.

Неотъемлемая часть оросительных систем — огромные водохранилища. От них на тысячи километров протянутся в знойные степи и по- километров протянутся в знойные степи и по- лупустыни магистральные и распределительные каналы. Нельзя допускать просачивания большого количества воды в стенки и дно, что вызывает подъем грунтовых вод, ведет к заболачиванию и засолению почвы.

А. Н. Костяков разработал наиболее эффективные средства предупреждения таких явлений и борьбы с ними. Это расчеты режима поливов, промывки уже засоленных почв, дренирование орошаемых земель.

Костякову 65 лет. Когда-то его называли «мелиоративным Калитой». Подобно тому как Иван Калита «собирал» Русь, Алексей Николаевич первым в нашей стране собрал и систематизировал отечественный и мировой опыт мелиорации. А. Н. Костяков творчески переработал его и создал новую, советскую мелиоративную науку. Главные положения этой науки изложены в фундаментальном труде «Основы мелиораций», выпущенном в переработанном виде в 1951 году.

Ученый рассматривает сложный комплекс вопросов орошения и осушения. В своем труде А. Н. Костяков исходит из научных положений великих русских агрономов, из учения И. В. Мичурина и его продолжателя академика Т. Д. Лысенко.

«Основы мелиораций» — ключ к овладению стихиями природы. По широте постановки вопросов орошения засушливых степей, осушения болот, борьбы с эрозией, по глубине анализа всех этих вопросов книга А. Н. Костякова не имеет равных в мировой научной литературе. По ней учатся и созидатели новостроек коммунизма, и агрономы, и осушители болот, и тысячи учащихся высших и средних учебных заведений.

Автор труда «Основы мелиораций» удостоен Сталинской премии первой степени.

Научную работу А. Н. Костяков на протяжении многих лет сочетает с педагогической. Он заведует кафедрой мелиорации в Московском институте инженеров водного хозяйства имени В. Р. Вильямса. И как ученый и как педагог он помогает советским людям управлять стихией воды, связывать в единое гармоничное целое весь процесс ирригации от постройки гигантских плотин до превращения воды, питательных веществ почвы и солнечной энергии в продукты социалистического земледелия.

По белому свету

Алексей СУРКОВ

Рисунки О. Верейского.

Причастие

Глаза Христа-спасителя кротки...
Поет орган о мире и о счастье.
Затянутые в хаки штабники,
Давясь, глотают пресное причастье.

В глазах христовых воинов азарт:
— Кончайте, патер, мессу поскорее!
В планшетах их шуршат квадраты карт
Истерзанной, пылающей Кореи.

Их слух ласкает рев железных птиц,
Стон матерей и плач детей в Пхеньяне.
Смиренный бог грехи детоубийц
Всевышней волей отпустил заране.

Храм опустел...
Воинственный лорд-мэр
Слепит солдат у сходней блеском речи.
. . . .
— Какой ты, боже, мелкий лицемер! —
Сказал привратник, задувая свечи.

На перекрестке

По асфальту шаркнула резина.
Распахнулась дверца лимузина.
Благостны, жирны, как караси,
Два почтенных брата капуцина
Сгинули в подъезде Си-Ай-Си[1].

Невдомек доверчивым прохожим,
Для чего смиреннейшим отцам,
Пастырям овец во стаде божьем,
Наносить визиты меднорожим,
Бравым вашингтонским молодцам.

Не смотрите исподлобья, косо
И недоуменные вопросы
При себе оставьте, простаки!
Не впервой сюда несут доносы
Эти рясоносные шпики.

Господу угодная работа —
Выследить и выдать патриота,
Как гестапо выдавали встарь.
Первый божий шпик из Кариота
Против этой братии — кустарь!

[1] Разведка США.

У Мраморной арки

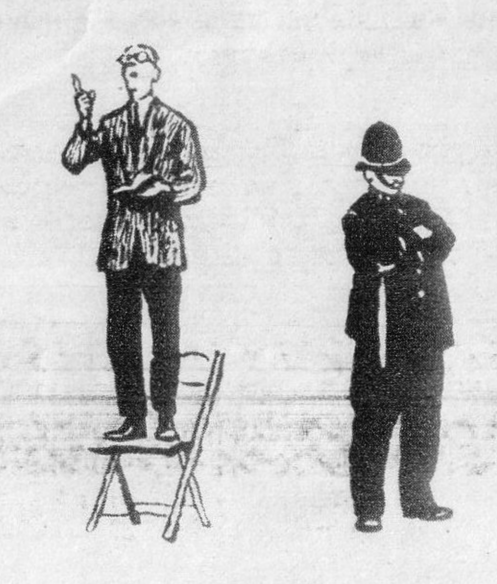
В Шотландии и в городах Йоркшира,
И в Кембридже, и в Лондоне — везде
Беседовали мы о судьбах мира,
О книгах, о культуре, о труде.

В ответы наши пристально вникая,
Пытали нас: — А есть в СССР
Свобода слова полная, такая,
Как в лондонском Гайд-парке, например?

Каков же он, свобод британских идол,
Узнать, конечно, я считал за честь.
И отыскал его. И что увидел,
Описываю точно, все как есть.

Вечерний час. Зеленый плес Гайд-парка.
Пестрит песок обрывками газет.
Торжественная Мраморная арка,
И рядом прозаический клозет.

Сквозь вязь решеток с улицы струится
Из выхлопных бензиновый угар.
Вдоль улицы доступные девицы
Шлифуют каблуками тротуар.

А возле арки гул землетрясенья.
Витийствуют, толпой окружены,
Бездельники из Армии спасенья
И всякие иные болтуны.

Один кропит святые песнопенья
На души впечатлительных старух;
Другой на пудинг с рисом точку зренья
С серьезным видом излагает вслух;

А третий, как пожарная сирена,
Ревет и тычет кулаком в зенит.
И даже постового полисмена
От этой «демократии» тошнит.

Его виски посеребрила проседь.
Он четверть века слышит этот крик.
«Собака себе лает, ветер носит!» —
Придремывая, думает старик.

Его отец такие разговоры
Слыхал в эпоху кэбов и карет.
И так же у клозета сутенеры
Тогда чадили дымом сигарет.

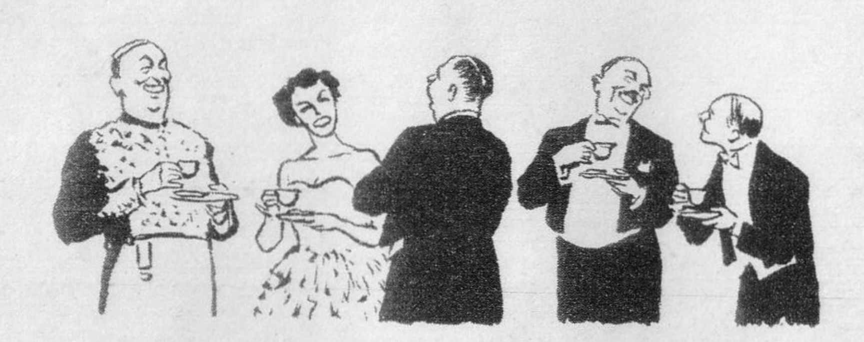
И так же в мутной накипи столицы
По улице, прохожих теребя,
Бездомные, бездольные девицы
Шли ради хлеба продавать себя.

. . . .

На «просвещенном Западе» народы
Опутать могут на любой манер.
Я был в Гайд-парке. И такой «свободы»,
На наше счастье, нет в СССР.

На дипломатическом приеме

Викторианский старый дом
На тихом лондонском бульваре.
Дипломатический прием
Поближе к полночи в разгаре.

Звон вилок, рокот голосов
В просторных залах и гостиных.
Набор породистых носов —
Латинских, эллинских, утиных.

Среди элиты золотой
Мелькают выскочки и хамы.
Слепят несвежей красотой
Декольтированные дамы.

Дымков сигарных синева
Тушует потолки и стены.
Разноязычные слова,
Разноплеменные джентльмены.

Здесь титулы и имена,
Известнейшие в высшем свете.
Мундиры, фраки, ордена,
Как в старой венской оперетте.

И мы с тобой, мой милый друг,
На этот маскарад глазея,
Под праздник очутились вдруг
Меж восковых фигур музея.

И неуютно нам с тобой
В таком блистательном синклите
Лэнд-лордов крови голубой
И лысых властелинов Сити.

Противно нам (который раз!)
Глядеть на выбритые морды
Тред-юнионовских пролаз,
За подлость возведенных в лорды.

Ругать себя (который раз!)
За то, что горестно негибок
В искусстве беспредметных фраз
И обязательных улыбок.

Вот некто взглядом обласкал
Мою невзрачную особу,

А мне мерещится оскал
Зубов, таящих волчью злобу.

Вот старичок из экс-послов,
Промямлив имя Сталинграда,
В поток медоточивых слов
Учтиво впрыснул каплю яда.

Ему бы прямиком сказать,
Что подлость старцев не почтенна,
Припомнив бабушку и мать
Высокородного джентльмена.

Но, соблюдая протокол,
Свой гнев утопишь в чашке чая,
На обольстительный укол
Нежнейшей шпилькой отвечая.

Нет, мы привыкли, мой сосед,
Жить чище, искреннее, проще.
И тянет нас сквозь этот бред
В Москву, на Пушкинскую площадь.

Ведь в этот час в стране родной,
В канун великой годовщины,
Без бухгалтерии двойной,
Без маскарадной чертовщины,

Без лицемерья, без вранья,
Без этих мертвецов с погоста
С бокалами встают друзья
На слово праздничного тоста.

Там будет новый день с утра,
А здесь опять придет вчера.

Сказки Венского леса

Снег на аллеи медленно сыплется.
В ближнем костеле окончилась месса.
Робко пиликает старая скрипица
«Сказки Венского леса».

Где ты, тепло деревенской хижины?
Что ты не греешь, зимнее солнце?
Взрывом глаза инвалида выжжены
В пекле траншей Изонцо.

Нет ей конца, изнуряющей темени.
Скрипка не выплачет злую обиду.
Как тут не сбиться со счета времени
Старому инвалиду?

Сколько стоит он под липами Пратера
Всеми покинут, жалок, немолод?..
Стой, проклинай старика императора,
Войны, тоску и голод.

Меряй шагами парки и скверики,
Спать отправляйся на голые доски...
Пьяный вояка из дальней Америки
Вырос на перекрестке.

Выщерив рожи багровое зарево,
Вышел, шатаясь, на кромку дорожки.
Что тут за чучело? В ухо ударь его!
Сбей его с ног, с подножки!

Старый картуз упал на обочину.
Медная мелочь посыпалась в яму.
Вспыхни, прохожий! Влепи пощечину
Злому пьяному хаму!

Ориентальный сюжет

Герой моего рассказа
Известен знати Шираза
Как истый сноб-сибарит.
Знаток лошадей и спорта,
Он любит читать Водсворта
И вхож на Даунинг-стрит [1].

Не раз писали газеты,
Что разные кабинеты
С ним сети интриг плели.
Но хан Али за табль д'отом
Был истинным патриотом
Священной фарсской земли.

Салонный оратор яркий,
Фанатик ислама жаркий,
Он любит успех в делах.
Из Пентагона подарки
И ружья британской марки
Ему посылает аллах.

Как все кашкайские ханы,
Герой наш лелеет планы —
Дать счастье земле отцов.
А люди его от скуки
В ночи запускают руки
В багажники и карманы,
В баулы и чемоданы
Проезжих зевак-купцов.

К нему залетают в горы
Сенаторы и прокуроры,
Входя в альпинистский раж.
И там же растущий гений
Из лондонских учреждений
Проходит шпионский стаж.

Когда известят газеты,
Что в Южном Иране где-то
Повеяло гарью смут,
В воронке переворота
След этого «патриота»
Отыщется тут как тут.

[1] Улица в Лондоне, где находится Growth Мининдел Англии.

Шахтер Том

За дальней далью двух морей,
За цепью невысоких гор
Живет товарищ Том Маррей,
Неунывающий шахтер.

Где настоящие друзья,
Для дружбы расстояний нет —
Мы побратались, Том и я,
На рубежах суровых лет.

Когда четырнадцать держав
Несли в Россию кровь и ночь,
Том, кулаки стальные сжав,
Сказал упрямо: — Руки прочь!

А в девятьсот двадцать шестом,
Когда в Шотландии родной
Всеобщей стачкой грянул Том,
Мы встали за него стеной.

Те даты дружбы Том и я
Нетленно в памяти храним.
Вчера, как старые друзья,
Мы в Глазго повстречались с ним.

Лежала снегом седина
У Тома на виске крутом.
— Опять воюем, старина? —
Сказал, сверкнув улыбкой, Том.—

Давно ли вот сказали мне,
Что сын во Фландрии убит,
А Черчилль снова на коне
И снова о войне трубит.

Он в пепле и руинах рад
Увидеть ваши города.
Но не забудут Сталинград
Шотландцы наши никогда.

Они сумеют в нужный час
Призвать к порядку толстяка.
Не обмануть рабочий класс,
Даю вам слово горняка!

Смотрите, сколько их вокруг.
Они сумеют дать отпор!
. . . .
Вот он какой, мой старый друг,
Неунывающий шахтер!

Шапка по кругу!

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благородство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостьей незваной нагрянет в лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу,
Шапку по кругу...

В черных, безрадостных буднях труда
Этой традиции славной начало.
Чувство рабочего локтя всегда
Жить помогало, в беде выручало.
Ежели стачкой берет в оборот
Труженик-раб фабриканта-хапугу,
В знак солидарности пустит народ
Шапку по кругу,
Шапку по кругу...

В Лондоне в сорок девятом году,
В сумраке к Темзе сползающей ночи,
Случай занес нас в родную среду
Верных защитников мира — рабочих.

Митинг шумел. Переполненный зал
Хлопал ораторам дружно, упруго.
Здесь я услышал, как докер сказал:
— Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Старый рабочий по краю стола
Стукнул ладонью увесисто, крепко:
— Шиллинг за мир!
По рядам поплыла
Виды видавшая серая кепка.
Скотланд, Уэллс, Йоркшир, Ланкашир
Передавали ту кепку друг другу.
Шиллинг за мир! Шиллинг за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Вот ветеран в отдаленном ряду
На ухо грузчику шепчет в смущеньи:
— Все, что осталось в кармане, кладу —
Стертое пенни, последнее пенни.
Кости не греет дырявый мундир.
Поясом брюхо подтянуто туго...
Пенни за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Ну-ка, дождем золотым заглуши
Звон медяков, поджигатель-иуда!
Долларов смерти сильнее гроши —
Скромная лепта рабочего люда.
Черный Уэллс! Хлопкопряд Ланкашир!
Передавайте кепку друг другу!
Шиллинг за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Мы мир выбираем

Пусть ждет его дома тюремная камера.
Пусть крест Ку-клукс-клана вспыхнет
над кровом.
Как будто изваян из черного мрамора,
Он зал потрясает взволнованным словом:

— Нас голод в могилы валил миллионами.
Трудом нашим Штаты сильны и богаты.
Америка! Мы под твоими знаменами
Сражались и верные были солдаты.

А наша свобода плантаторам продана,
А труд наш присвоен бессовестным вором.
И слово, святое для каждого,— РОДИНА! —
Звучит на устах наших горьким укором.

Достоинство матери нашей Америки
Унижено в мире сегодня не нами.
Мучители наши, ханжи и истерики,
Забрызгали кровью звездное знамя.

Мы знаем, как радостно быть патриотами,
Свой долг выполнять беззаветно и гордо.
Но совесть народа не купишь банкнотами
Из сейфов Рокфеллера, Моргана, Форда.

Их образом жизни, их злыми свободами,
Их пахнущим кровью невольничьим раем
Сыты мы по горло... Со всеми народами
Мы прокляли войны. Мы мир выбираем!

Мы мир выбираем, цветные и белые,
По зову своей незапятнанной чести.
Все сильные духом, все честные, смелые
В минуту смертельной опасности вместе!

ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ МЕТАЛЛА

На щите загорелась зеленая лампочка. Это сигнал: ток включен. Легкое прикосновение к кнопке — и вспыхнул красный свет: внимание, начал работать генератор. Еще нажим на кнопку — стальной стержень, укрепленный в держателе, плавно опускается, входит в индуктор — петлю из изогнутой медной проволоки. В тот же момент засияла белая лампа: идет нагрев.

По стальному стержню пробежали желтые, серые, бурые полоски. Еще мгновение — и он становится темновишневым, затем быстро светлеет. Сменяется гамма оттенков: оранжевый, желтый, почти белый... Вот раскаленный стержень получает холодный душ. Едва слышное шипение, и операция закончена.

Директор Института стали лауреат Сталинской премии И. Н. Кидин у высокочастотной установки.

Что же произошло за полминуты? Закалка токами высокой частоты, иначе говоря, радиоволнами — теми самыми электромагнитными колебаниями, которые доносят до радиоприемника голос певца, звучание оркестра, живую речь. А здесь, в лаборатории, человек заставил радиоволны совершать иную работу.

Каковы преимущества высокочастотной закалки? При обычном способе стальную деталь помещают в термическую печь, где она прогревается на всю глубину. Такая деталь становится одинаково твердой как внутри, так и снаружи. Есть ли в этом необходимость? Нет, сплошь твердый металл чрезмерно чувствителен к ударам.

А что получается при радиозакалке? Токи нагревают до белого каления тонкий наружный слой прежде, чем теплота успевает проникнуть в глубь металла. Закаляется только рабочая поверхность.

Высокочастотная закалка ускоряет процесс, значительно удешевляет его, неизмеримо улучшает условия труда.

Советские ученые - высокочастотники всесторонне исследовали этот способ нагрева. Но что происходит в самом металле, как он изменяется при нагреве, оставалось неизвестным. А между тем металлурги ждали ответа именно на эти вопросы.

Доцент Московского института стали И. Н. Кидин, ныне его директор, решил восполнить пробел. Ему было ясно: показания электрических приборов говорят лишь о работе генератора, но не о том, как условия нагрева влияют на свойства стали. Нередко бывает, что при одних и тех же напряжении, силе и частоте тока результаты разные.

Сталь очень капризна. Она требует совершенно точной дозировки температуры и времени нагрева. Немного не догреешь — плохо: останутся незакаленные места. Чуть перегреешь — и того хуже: поверхность может выкрошиться.

И в лаборатории института ставят опыт за опытом. Закаливают сотни стержней, разламывают их, измеряют глубину закалки, шлифуют поверхность излома, изучают шлифы в микроскопе, сопоставляют строение стали, закаленной при разных температурах и скоростях.

И. Н. Кидин разрабатывает технологический процесс, расширяет круг деталей, подвергающихся высокочастотной закалке. Ученый тесно связан с промышленностью: данные, полученные в лаборатории, проверяются на производстве и внедряются в практику.

Итоги своих исследований и теоретические обобщения И. Н. Кидин изложил в обширной монографии «Термическая обработка стали при индукционном нагреве», отмеченной высокой наградой — Сталинской премией.

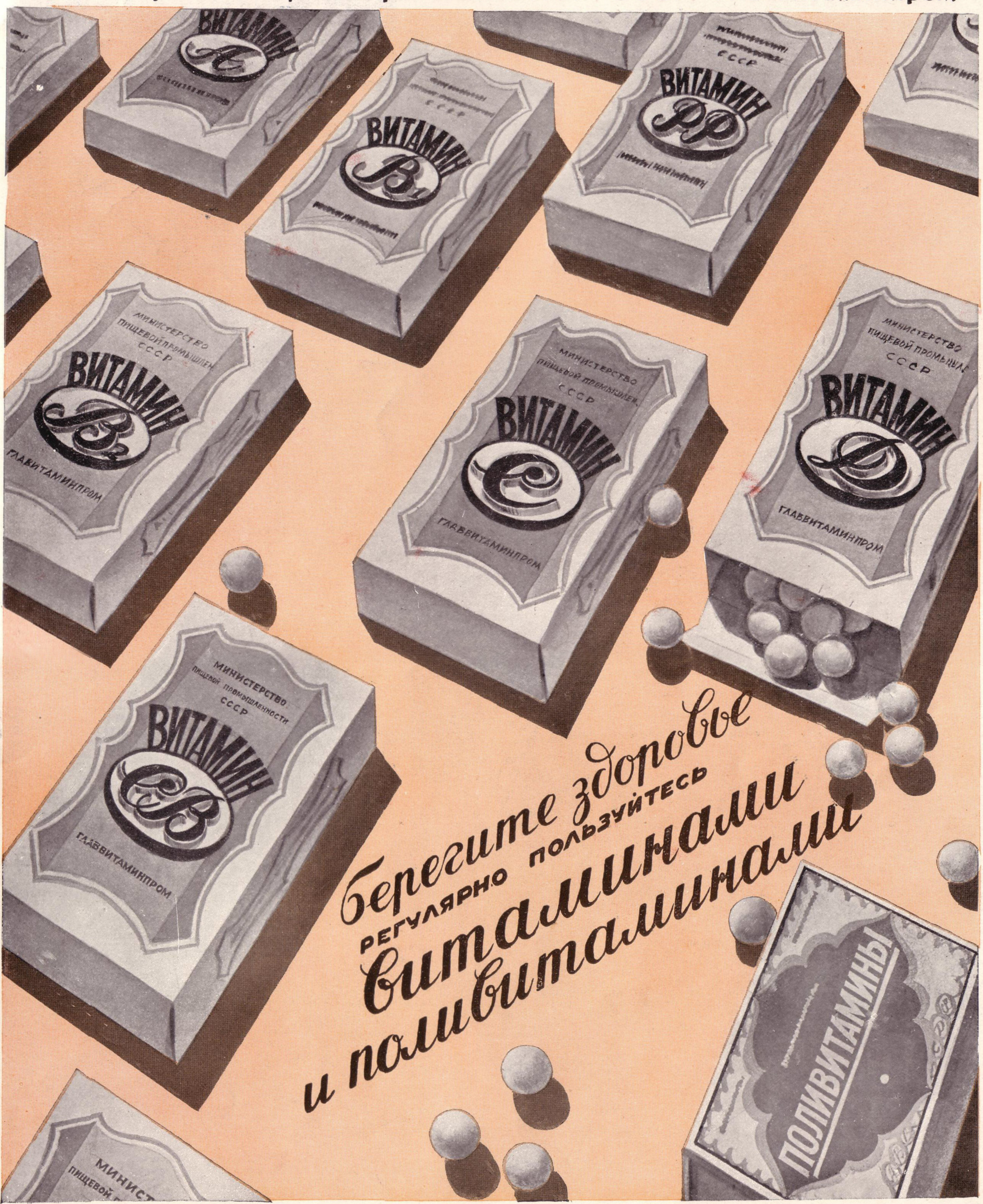
А. АНИСИМОВ

Участники балетного кружка Дворца металлургов Кузнецкого комбината имени И. В. Сталина: табельщица мартеновского цеха Ия Кулакова и электрослесарь сортопрокатного цеха Александр Конышев перед выходом на сцену.

Фото М. Савина

Министерство пищевой промышленности СССР. Главвитаминпром

Витамины содействуют укреплению здоровья, усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям и повышают работоспособность.

Витамины особенно необходимы жителям Крайнего Севера, спортсменам, лицам, занятым напряженным физическим или умственным трудом.

НОРМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ВИТАМИНОВ УКАЗАНА НА ЭТИКЕТКАХ.

Цена номера 3 руб.